

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ОРГАН ТОМСКОГО ГОРКОМА ВКП(б), ГОРСОВЕТА И ГОРПРОФСОВЕТА

№ 18 (5103)

Среда, 27 января 1937 года

Год издания XVII

Двадцать третьего января советские японские послы в Москве г. Сако посетили заводского (второго) производственного отдела НКВД Б. И. Колосовского и выразили ему протест против произвольного советскими государственными властями досмотра прибывших 19 января во Владивосток двух японских пароходов «Сайборя мару» и «Кюгосан мару».

Тов. Колосовский отклонил протест, заявив, что японское правительство не имеет никаких оснований ни для протеста, ни даже для жалобы на действия наших властей, поскольку японские власти прилагают в отношении советских пароходов, заходящих в японские порты, при том без всякого повода и основания, гораздо более строгие меры, чем японские.

Тов. Колосовский отклонил протест, заявив, что японское правительство не имеет никаких оснований ни для протеста, ни даже для жалобы на действия наших властей, поскольку японские власти прилагают в отношении советских пароходов, заходящих в японские порты, при том без всякого повода и основания, гораздо более строгие меры, чем японские.

Подлейшие из подлых

Вчера начался суд над троцкистской бандой врагов народа, изменников родины, диверсантов, шпионов и убийц. Мы лубянищем обвинительно заключили по делу участников троцкистского «параллельного центра», деяния которых по подлости своей превосходят все, что до сих пор знала история.

Хотели расчленив СССР и поставить его в фаворит захватнической германской и японской внешней политики. Они охватили, что троцкисты хотели отдать нашу родину на волю и разграбление, превратить ее в колонию германского и японского империализма. Троцкистская банда стремилась к реставрации в нашей стране капитализма, притом в его худших колониальных формах. И об этих чуждых троцкистам, о том, как провалились они сами и продавали нашу страну германским и японским империалистам, с нескрываемым цинизмом говорил вчера на суде Пятаков. Он рассказывал, как воровал государственные советские деньги, перешагивая на заказах германским фирмам «Деман» и «Ворон». Это делалось с той целью, чтобы фирмы могли содействовать на уворованные у советского государства деньги банда троицкую шайку Троцкого.

Они изменяли родине, поставив своей главной задачей насильственное свержение советского правительства, чтобы заменить существующий в СССР социалистический строй строем капиталистическим.

Иуда Троцкий и его шайка отчетливо понимали, что народ подавит их, и надеялись на захват власти только в результате военного поражения СССР. В письме к Радеку Троцкий открыл писал: «Надо признать, что вопрос о власти реально всего стоит перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок долгие энергично готовится... Надо, поскольку это возможно, ускорить столкновение между СССР и Германией».

«Мы с Пятаковым», — показывает на депресе Радек, — пришли к заключению, что эта директива подводит итог работы блока, ставит все точки над «я», выдвигая в самой острой форме вопрос о том, что власть троцкистско-левобольшевского блока может быть при всех обстоятельствах только властью реставрации капитализма».

Таким образом, троцкисты стали не только изменниками родины, но и злейшими провокаторами войны. В реках крови рабочих, крестьян, интеллигенции советского государства они хотели потопить социализм. Троцкий дал директиву Пятакову: «Нанести чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», и спор троцкистских псов делала все, что могла, для выполнения полой директивы.

Они организовали, где могли, караваны на предприятиях, в первую очередь оборонного значения. Так было в Кемеровском руднике, где организовали троцкистско-диверсант Дробинко, по разоружению которого взорвали шахту «Пятиконтинент» и погубили многих рабочих. Так было и на Горловском азотно-туловом комбинате, на Воскресенском химическом комбинате и Песочном заводе, где караваны организовал Ратайчак — троцкист, он же германский шпион.

Другой подкушанный князь, бывший начальником дороги, также получал диверсионные задания от троцкистского центра и непосредственно от агента японской разведки, господина Х. Невиниса с которым обнародовался слетелись И Ратайчак, и Киселев, и другие троцкистские шпионы систематически снабжали предательской германской и японской разведкой секретными сведениями важнейшего государственного значения — о мобилизационной готовности железных дорог, о военных перевозках, о состоянии работы и планах наших химических заводов. Киселев совершил ряд крупнейших преступлений, особенно военных, сопровождавшихся большим человеческим жертвами. Этот подлый зверь пролил немало крови неспасавшимся, защитникам социалистической родины: в одном только извержении на станции Шумка 27 октября 1935 года погибли 29 железнодорожников и 29 было ранено.

Их, троцкистам, нужна была кровь верных, шкура которой они хотели продать, чтобы проплатить в валюте на иностранных фирмистских штыках. Они продавали кровь рабочих и иностранцев, они создали ряд причин для террористических покушений на жизнь руководителей ВКП(б) и советского правительства — товарищей Сталина, Молотова, Ефимова, Ворошилова, Орденов и других.

Главарь троцкистских бандитов, противник перед Военной коллегией Верховного суда, известный трудящемуся СССР, как злое и злейшее враги народа. Перед их злобой и злобными коварством несут образы провокаторов прошлого — Афефы и Малиновские, несут средневековья, Ироды и Иуды.

Что означают эти пункты программы над осуществлением которой побата предвзятая троцкистско-шайка? Они означают, что троцкисты

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА XVI СОЗЫВА О ГОСУДАРСТВЕННОМ БЮДЖЕТЕ РСФСР НА 1937 ГОД

Рассмотрев представленный Советом Народных Комиссаров РСФСР проект государственного бюджета РСФСР на 1937 год с изменениями, предложенными бюджетной комиссией, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

ПО ДОХОДАМ.	
1. Налог с оборота	10618,1
В том числе: специальные отчисления по хлопку и нефти	10,9
2. Отчисления от прибыли:	
а) промышленности Наркоммистпрома	56,0
б) промышленности Наркомлегпрома	15,6
в) промышленности Наркоммистпрома	25,8
г) государственных сельскохозяйственных предприятий	1,7
д) предприятий Наркомторга	1,4
е) прочих предприятий	26,0
Итого отчислений от прибыли	126,5
3. Подоходный налог и другие налоги предприятий и организаций:	
а) налог с нетоварных операций	803,5
б) подоходный налог с колхозов	217,7
в) налог с совхозов	30,8
Итого налогов с предприятий и организаций	552,0
4. Государственные займы	855,6
5. Налоги и сборы с населения:	
а) сельскохозяйственный налог с колхозников и индивидуальных крестьянских хозяйств	312,2
б) сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в городах	515,1
в) сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в сельских местностях	336,9
Итого налогов и сборов с населения	1164,2
6. Прочие доходы	33,4
Всего доходов	13359,8

1. Утвердить свод доходов и расходов государственного бюджета РСФСР на 1937 год с изменениями, предложенными бюджетной комиссией, в следующих суммах (в миллионах рублей).

ПО РАСХОДАМ.	
А. Народное хозяйство.	
1. Промышленность Наркоммистпрома	142,7
2. Промышленность Наркомлегпрома	63,6
3. Промышленность Наркоммистпрома	16,6
4. Промышленность Наркомлеса	2,1
5. Ассигнования на промышленность, не распределенные по наркоматам	6,4
6. Сельское хозяйство	132,2
В том числе: совхозы	83,6
7. Коммунальное хозяйство	86,7
8. Государственная торговля	42,9
9. Прочие расходы по народному хозяйству	29,3
Итого по народному хозяйству	472,5
Б. Социально-культурные мероприятия.	
1. Просвещение	1320,1
В том числе: Наркомпрос	627,0
Наркомздрав	451,2
2. Здравоохранение	653,6
3. Социальное обеспечение	67,5
Итого по социально-культурным мероприятиям	2041,2
В. Народный Комиссариат Юстиции и Прокуратура	37,3
Г. Расходы по управлению	295,5
Д. Платежи по займам	91,6
Е. Резервный фонд СНК	90,0
Ж. Прочие расходы	94,3
Итого расходов без средств, передаваемых в бюджеты АССР и местные бюджеты	3122,4
Средства, передаваемые в бюджеты АССР и местные бюджеты	10237,4
Всего расходов	13359,8

2. Одобрить контрольные цифры бюджетов АССР, местных бюджетов РСФСР на 1937 год по доходам и расходам в сумме 14.952.100.000 рублей, согласно прилагаемому своду.

3. Предложить Советам Народных Комиссаров АССР, краевым, областным исполнительным комитетам обеспечить утверждение бюджетов АССР и местных бюджетов краев и областей на сессиях Центральных Исполнительных Комитетов АССР, пленумах краевых и областных исполнительных комитетов не позднее 10 марта 1937 года.

Сессия ВЦИК ставит перед всеми советами, исполкомами, хозяйственными органами РСФСР, общественными организациями задачу обеспечить безусловное выполнение доходов государственного и местных бюджетов на 1937 год, строго целевое использование средств, отчисляемых по бюджету на финансирование народного хозяйства, просвещение, здравоохранение, охрану материнства, младенчества и другие цели, строжайшее соблюдение бюджетной дисциплины, усиление работы по документальным ревизиям и всемерную заботу о дальнейшем укреплении советского рубля.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. КАЛИНИН.
Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета А. КИСЕЛЕВ.
Москва, Кремль, 23 января 1937 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Контрольные цифры бюджетов АССР и местных бюджетов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на 1937 г.

ДОХОДЫ	Миллионы рублей	РАСХОДЫ	Миллионы рублей
Промышленность	1250,6	Промышленность	565,0
В том числе:		В том числе:	
А. Наркоммистпрома	174,3	А. Наркоммистпрома	276,0
Б. Наркомлегпрома	839,4	Б. Наркомлегпрома	121,6
В. Наркоммистпрома	165,9	В. Наркоммистпрома	50,3
Г. Наркомлеса	18,9	Г. Наркомлеса	14,6
Д. Районная промышленность	52,1	Д. Районная промышленность	14,6
Сельское хозяйство	33,6	Сельское хозяйство	2,0
Доходы лесного хозяйства	217,7	Е. Районная промышленность	100,5
Коммунальное и жилищное хозяйство	768,4	Сельское хозяйство	361,5
Местные торги	70,5	Коммунальное и жилищное хозяйство	1345,3
Местные налоги и сборы	489,0	Местные торги	290,2
Разные доходы	238,6	Дорожное хозяйство (извозные дороги)	91,8
Итого местных доходов	3048,4	Народная связь	44,6
Подоходный налог с кооперации	375,7	Кинофикация	7,5
Подоходный налог с физических лиц	1025,0	Итого по народному хозяйству	2705,8
Единая пошлина	156,1	Просвещение	6576,3
Прочие налоги	15,0	Здравоохранение	3401,2
Итого налогов, непосредственно зачисляемых в местные бюджеты	1571,8	Физкультура	34,9
Отчисления от подоходного налога колхозов	217,7	Социальное обеспечение	143,9
Отчисления от сельскохозяйного колхозников и индивидуальных крестьянских хозяйств	312,2	Итого по социально-культурным мероприятиям	10156,3
Отчисления от государственных займов	507,1	Наркомист АССР, суды, прокуратура, нотариат	202,6
Отчисления от сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в городах	515,1	Расходы по управлению	1270,2
Отчисления от сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в сельских местностях	336,9	Бюджетный резерв	145,0
Отчисления от налога с совхозов	30,8	Прочие расходы	382,7
Отчисления от налога с нетоварных операций	803,5	Расходы за счет отчислений от страховых платежей по обязательному окладному страхованию	89,5
Отчисления от налога с оборота	8003,2	ВСЕГО ДОХОДОВ	14952,17
Отчисления от налога с оборота по хлопку и нефти	10,9	ВСЕГО РАСХОДОВ	14952,1
Итого средств, передаваемых из государственного бюджета	10237,4		
Остатки бюджетных средств	5,0		
Отчисления от страховых платежей по обязательному окладному страхованию	89,5		

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА XVI СОЗЫВА

По отчету об исполнении государственного бюджета РСФСР за 1935 год

Рассмотрев представленный Советом Народных Комиссаров РСФСР отчет об исполнении государственного бюджета РСФСР за 1935 год и заслушав заключение бюджетной комиссии ВЦИК, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1) Утвердить отчет об исполнении государственного бюджета РСФСР за 1935 год.
А) По доходам — в сумме 7.812.034.235 рублей, считая в том числе: зачислений в качестве дохода за 1935 год бюджетный остаток по отчету об исполнении государственного бюджета РСФСР за 1934 год в сумме 227.540 рублей, не предусмотренные по бюджету поступления средств со стороны на счет, детские ссуды — 47.891.616 рублей и средства, перечисленные на общесоюзного бюджета 250.829.645 рублей.
Б) По расходам — в сумме 7.770.076.109 рублей, в том числе не предусмотренные по бюджету расходы: на ссуды и детские ссуды за счет средств со стороны — 47.186.977 рублей и на разные мероприятия за счет средств, полученных из общесоюзного бюджета — 179.376.625 рублей.

2) Отметить, что государственный бюджет РСФСР за 1935 год выполнен с превышением против назначенных по доходам — на 305.634.235 рублей, а по расходам — на 263.676.109 рублей, а в результате — с превышением доходов над расходами на 41.958.126 рублей.

Заключительное заседание третьей сессии ВЦИК XVI созыва

Первое слово на вечернем заседании сессии ВЦИК 23 января получает пом. Прокурора РСФСР Ф. Е. Юрния. Говоря о том, что на рабочих местах прокуратуры лежит трудная почетная обязанность обеспечить строжайшее соблюдение социалистической законности, т. Юрния предлагает принять меры к улучшению условий их работы.

Тело встречают участники сессии делегации рабочих, инженерно-технических работников, служащих предприятий Свердловской области, от имени которой с приветственным выступлением И. Х. Кошкар. Нет больше старого дымовского Урала, восклицает т. Кошкар под шумные аплодисменты, — есть новый социалистический ставинский Урал! Делегация передает в президиум свои производственные поздравления, среди которых — большой синток золота, масляный выключатель, металлическая краспошершечная кассета и др.

Председатель Куйбышевского облисполкома Г. Т. Полюбин выдвигает вопрос об увеличении доходов источников районных бюджетов, об отпуске по бюджету средств на эксплуатацию ирригационного хозяйства.

Увеличить ассигнования на развитие искусства, благоустройство республиканского и районных центров — настаивает председатель Совнаркома Мордовской АССР А. Я. Козиков.

Затем в прениях выступает председатель Карасукского райисполкома Западно-Сибирского края М. А. Старцев, председатель СНК Татарской АССР К. А. Абгаров, зам. Наркома финансов РСФСР В. Г. Долгов.

Студенты-дипломники горного факультета индустриального института читают обвинительное заключение по делу антисоветского троцкистского центра. (Фото Дубровина).

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ЯНВАРЯ

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

После прочтения обвинительного заключения Суд приступил к допросу обвиняемых. Первым допрашивается подсудимый Ю. Я. Пятаков.

Вышинский: Скажите, когда начался последний период вашей политической деятельности?

Пятаков: С 1931 года. Это последний период, не считая 1926—1927 года.

Вышинский: В чем выразилась эта деятельность?

Пятаков: В 1931 году я был в служебной командировке в Берлине. Одновременно со мной было несколько троцкистов, в том числе Смирнов и Логинов. Меня также сопровождал Москалев. Был Шестов. В середине лета 1931 года в Берлине Смирнов Иван Никитич сообщил мне о том, что сейчас возобновляется с новой силой троцкистская борьба против советского правительства и партийного руководства, что я—Смирнов—имел свидание в Берлине с сыном Троцкого — Седовым, который дал ему по поручению Троцкого новые установки, выразившиеся в том, что от массовых методов борьбы надо отказаться, что основной метод борьбы, который надо применять, это метод террора, как в тогда выразился—метод противостояния мероприятиям советской власти.

Вышинский: О каком Смирнове вы говорите?

Пятаков: Известный троцкист Иван Никитич Смирнов.

Вышинский: Тот самый, который ухаживал за Троцким?

Пятаков: Да тот самый, который впоследствии входил в объединенный янвевско-троцкистский центр. Ввиду их встреч, когда у меня никого не было в кабинете, он перешел ко мне, где со мной очень хотел увидеться Седов. Я согласился на эту встречу. При встрече Седов мне сказал, что советское правительство не от своего имени, а от имени своего отца—Л. Д. Троцкого. Седов сказал, что Троцкий и на шкуру не оставляет мысль о возобновлении борьбы против сталинского руководства, что было временное отступление, которое объясняется отвлечением и географическими передвижениями самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобновляется, о чем и, Троцкий, ставит меня в известность.

Седов сказал также, что ему известно, что правые в лице Томского, Бухарина и Рыкова уходят из сложившейся, только временно притихшей, что с ними надо установить необходимую связь.

После этого Седов мне задавал прямой вопрос: «Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?» Я дал согласие.

Седов перешел к изложению существа новых методов борьбы: о разрывании в какой бы то ни было форме массовой борьбы, организации массового движения не может быть и речи, если мы пойдем на закупку и продажу массовую работу, то значит немедленно провалиться; Троцкий твердо стоит на позиции насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Далее Седов сказал, что Троцкий обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства бессмысленна, что откатываться от международного вопроса нам никак нельзя. Нам придется по этой борьбе иметь необходимое решение, а также международного вопроса, или вернее, международных вопросов.

Вышинский: Об этой встрече вы рассказывали кому-нибудь из своих сподвижников?

Пятаков: Да, я говорил Владимиру Логинову, который был управляющим треста «Кож», Биткеру, ко-

торый работал в Берлине и Шестову, который был в той же комиссии по размещению заказов для угольной промышленности, и моему секретарю, который являлся доверенным мне человеком—Маслаеву.

Вышинский: Обвиняемый Шестов, вы слышали показания Пятакова?

Шестов: Да.

Вышинский: Передавал вам о своей беседе с Седовым, Пятаков солидаризировался с Седовым, или же он излагал эту беседу фотографически?

Шестов: Безусловно солидаризировался.

Вышинский: (снова обращается к Пятакову): Когда вы рассказывали Шестову о своей беседе с Седовым, вы прилагали ей характер простой передачи, или при этом высказывали свое отношение?

Пятаков: И с Шестовым, и с Владимиром Логиновым речь шла об осуществлении этой директивы.

Вышинский: Чем объяснить, что вы так быстро дали согласие возобновить борьбу против партии и советского правительства?

Пятаков: У меня остались старые троцкистские переживания, которые в дальнейшем все больше и больше распространялись.

Пятаков: На вопрос товарища Вышинского показывает далее, что вскоре после первой встречи он имел второе свидание с Седовым. Как и первое свидание, это свидание было устроено И. И. Смирновым. Во время этого свидания Седов поставил перед Пятаковым вопрос о деньгах для контрреволюционной работы.

— Седов сказал, — показывает подсудимый Пятаков, — что от меня требуется только одно: чтобы я как можно больше заказов выдал двум немецким фирмам — «Борнги» и «Демаг», а он—Седов—говорится, как от них получить необходимые суммы, принимая во внимание, что я не буду особенно нажимать на нем. Если это дело расшифровать, то оно было, что выжили на деньги на советские заказы, которые будут делаться, перейдут полностью или частично в руки Троцкого для его контрреволюционных целей.

Вышинский: Вы сделали, как советовал Седов?

Пятаков: Совершенно верно.

Вышинский: Расскажите, в чем же это выразилось?

Пятаков: Это делалось очень просто, тем более, что я располагал очень большими возможностями, и достаточно большое количество заказов перешло к этим фирмам.

Как выписывается из дальнейшего допроса, Пятаков использовал эту вторую встречу с Седовым для уточнения некоторых вопросов.

Вышинский: Через Шестова вы получали что-нибудь от Седова?

Пятаков: Да, в декабре 1931 года я был в Москве. Шестов, возвратившись из Берлина, зашел ко мне в ВСИХ в служебный кабинет и передал письмо.

Вышинский: Шестов явился к вам по служебному делу?

Пятаков: Он явился, чтобы передать письмо Троцкого и поговорить еще раз о разрывании троцкистской работы в Кувбассе.

Вышинский: (обращается к подсудимому Шестову): Вы были у Пятакова?

Шестов: Да, был. Это было в ноябре 1931 года.

Вышинский: Вы передали письмо? От кого вы его получили?

Шестов: Я получил письмо от Седова в Берлине.

Вышинский: Что же вам Седов сказал?

Шестов: Он просто передал мне тогда не письмо, а как мы тогда условлялись, пару ботинок.

Вышинский: Значит вы получили не письмо, а ботинок?

Шестов: Да, но я знал, что так были письма. В каждом ботинке было заделано письмо. Он сказал, что на конвертах писем есть пометки. На одном стояла буква «П» — это значило для Пятакова, а на другом стояла буква «М» — это значило для Муралова.

Вышинский: Вы передали Пятакову письмо?

Шестов: Я передал ему письмо с пометкой «П».

Вышинский: А другое письмо?

Шестов: Другое письмо, с пометкой «М», я передал Муралову.

Вышинский: Подсудимый Муралов, вы получили письмо?

Муралов: Получил.

Вышинский: У ботинком или без ботинка? (в зале смех).

Муралов: Нет, он привез мне только письмо.

Вышинский: Что было на конверте?

Муралов: Буква «М».

Пятаков: Я получил письмо, которое выглядело так, как сейчас передавал Шестов, видимо его и крайние удивляла: я ожидал записки Седова, но оказалось, что в конверте записка не от Седова, а от Троцкого, письмо было написано по-немецки и подписано «Л. Т.».

Вышинский: Значит письмо вы получили от Троцкого через Седова и через Шестова?

Пятаков: Да.

Вышинский: (обращается к Пятакову): Что же было в этом письме?

Пятаков: Письмо это, как сейчас помню, начиналось так: «Дорогой друг, и очень рад, что вы послали мне мои требования...»

Далее говорилось, что стоит коренные задачи, которые он коротко сформулировал. Первая задача — это всеми средствами устроить Сталина с его ближайшими помощниками. Понятно, что «всеми средствами» надо было понимать, в первую очередь, материальными средствами. Во-вторых, в этой же записке Троцкий писал о необходимости объединения всех антисталинских сил для этой борьбы. В-третьих, — о необходимости противоборствовать всемерными средствами советского правительства и партии, в особенности в области хозяйства.

Вышинский: После этого письма вы вскоре были еще раз за границей. В каком году?

Пятаков: В 1932 году. Это было во второй половине 1932 года и тогда же я встретился в третий раз с Седовым.

Вышинский: Что вы делали в промежуток времени между получением вами письма от Троцкого в 1931 году и вашим вторичным появлением в Берлине в 1932 году?

Пятаков: В это время я был занят восстановлением старых троцкистских связей. Я сосредоточился, главным образом, на Украине. Когда я разговаривала с Логиновым в Берлине, мы с ним уговорились относительно организации украинского троцкистского центра. Связь с этим центром была моей основной связью, если не считать впоследствии очень существенной связи, которая началась через Шестова с Западной Сибирью и с Н. И. Мураловым.

Прежде всего, мы восстановили украинские связи. Это — Логинов, Губченко, Коцобинский и Лившиц, обвиняемый по данному делу. Мы уговорились с начала с Логиновым, а впоследствии с остальными относительно того, что они образуют украинскую четверку.

Вышинский: С кем из них вы говорили об этом?

Пятаков: Со всеми четверкой.

Вышинский: И в том числе с Лившицем?

Пятаков: Да.

Вышинский: Где Лившиц тогда работал?

Пятаков: На Украине, начальником дороги. Мы с ним давно были связаны по контрреволюционной троцкистской работе.

Вышинский: По какому поводу в 1931 году начальник дороги появляется у вас, у заместителя председателя ВСИХ? Был к этому какой-нибудь деловой, служебный повод?

Пятаков: Нет, он пришел, желая испорченно от меня получить подтверждение того, что ему передал Логинов. Я вложил ему свою встречу с Седовым и передал о директивах Троцкого, о террористических методах борьбы, о вредительстве.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова о вашей встрече с ним?

Лившиц: Да, подтверждаю. Я пришел в ВСИХ проверить правильность переданных Логиновым от Пятакова директив. Пятаков мне рассказал то же, что и Логинов, что методы борьбы, которые проводились нами раньше, не дали никакого эффекта, что нужно идти на новые методы борьбы, то есть на террор и на взрыв шпательную работу.

Вышинский: (Пятакову): Итак, перейдем к вопросу о вашем втором приезде в Берлин.

Пятаков: Второй приезд в Берлин состоялся в середине 1932 года. Седов узнал о моем приезде в Берлин и решил со мной встретиться для того, чтобы получить, как он сказал, необходимую информацию для Троцкого.

Я рассказал о работе троцкистов на Украине и в Западной Сибири, о связях с Шестовым, Н. И. Мураловым и Богуславским, который находился в то время в Западной Сибири.

Седов выразил крайнюю степень неудовольствия, но своего, как он сказал, а неудовольствия Троцкого тем, что дела идут крайне медленно и, в особенности, в отношении террористической деятельности. Он сказал: «Вы, мол, занимаетесь все организационной подготовкой и разговорами, но ничего конкретного у вас нет». Он мне сказал далее: «Вы знаете характер Льва Давидовича, он рвет и мечет, он горит нетерпением, чтобы его директивы поскорее были превращены в действительность, а из вашего сообщения ничего конкретного не видно».

Вышинский: Дело вы пробыли во второй раз в Берлине?

Пятаков: Месяца полтора—два. Осенью этого же года я вернулся в Москву, и здесь произошла очень существенная, с точки зрения образования записного, в дальнейшем параллельного, троцкистского центра, моя встреча с Камениным.

Каменин пришел ко мне в парижском под каким-то предлогом. Он очень тихо и ясно сообщил мне об образовавшемся троцкистско-зюновском центре. Как сказал Каменин, желательно иметь на случай провала основного центра записный троцкистско-зюновский центр. Он был уполномочен официально запросить меня, согласен ли я на вхождение в этот центр.

Вышинский: Записный, как он выразился?

Пятаков: Записный. Я дал свое согласие Каменину на вступление в записный центр. Это было осенью 1932 года. В порядке информации Каменин сказал, что у них установлена теснейшая связь, не просто контакт, а связь с правыми: с Бухариним, Томским, Рыковым, и тут же сказал: «Так как вы, Юрий Леонидович, в очень хороших отношениях с Бухариним, не мешало бы и вам с ним поддерживать соответствующий контакт». Это мною в дальнейшем и делалось.

Вышинский: Значит, вы этот контакт с Бухариним установили?

Пятаков: Да. На мой вопрос: «Собственно говоря, как же это мы устанавливаем связь с правыми?» — Каменин прямо сказал, что это, вообще говоря, с моей стороны проявление известного робочества в политике, что вчерашние разногласия уже не могут разделиться, так как имеется единство цели: свержение сталинского руководства и отказ от построения социализма с соответствующим изменением экономической политики. В этом же разговоре Каменин сказал и по поводу «между-государственных отношений», что без необходимого контакта с правыми методами капиталистических государств нам в власти не прийти, и этот контакт идею поэтому поддерживать. Что касается деталей, то он сказал: что и, Пятаков, не «между-народник», и тут Радек и Сокольников больше поставлены об этом в известность.

Вышинский: Что значит: вы не международник?

Пятаков: В троцкистских кругах я больше считался социалдето-хозяйственником, а не международником.

Вышинский: Кто же считался международником?

Пятаков: И уже сказал—Радек и Сокольников.

Вышинский: О чем вы с ними говорили в 1932 году?

Пятаков: В 1932 году мы имели разговор с Радеком. Он тогда сказал, что надо проводить методы борьбы, которые приняты Троцким и основным объединением троцкистско-зюновским центром.

У нас явилась мысль, чтобы, наряду с основным центром в составе Каменина, Зюновского, Мрачковского, Башкина, Смирнова, Федосимова и других, иметь наш троцкистский «параллельный центр», который будет играть роль записного центра на случай провала основного, и в то же время будет самостоятельно вести практическую работу, согласно директив и установок Троцкого. Правда, особенного различия в установках между нами и зюновскими к тому времени уже не было. Но тогда Радек и я беспокоились о том, что при экономическом отступлении после захвата нами власти зюновская часть блока пойдет слишком далеко, а этому надо организовать известное противодействие.

Во всяком случае, мы тогда условились запросить об этом Троцкого. Через некоторое время (это было уже в 1933 году) в одну из встреч со мною Радек сообщил мне, что ответ от Троцкого мы получили, что Троцкий ультимативно ставит вопрос о сохранении полного единства и блока с зюновцами, так как никаких расхождений у нас с ними нет, поскольку террористическо-предательская платформа принята. Что касается отступления, то Троцкий писал, что Радек и я ошибаемся, думая, что отступление будет незначительным. — отступать придется очень далеко, и в этом отношении основный блок не только с зюновскими, но и с правыми.

Что же касается превращения нашего центра в параллельный, то он сказал, что это будет усиливать собираемый сил и подготовку необходимых террористических и вредительских актов.

В конце 1933 года в Гаграх имел встречу с Серебряковым. Тогда мы с ним уговорились, что в основном, всю работу на Украине и Западной Сибири и в промышленности, он берет Закавказье и транспорт.

С Сокольниковым я имел встречу значительно позже — в середине 1935 года, когда мы уже конкретно говорили относительно превращения записного или «параллельного» центра в центр действующий, поскольку к этому времени уже произошел разгром основного центра, члены которого все были арестованы и осуждены. Сокольников зашел ко мне в Паркоматстрой и сказал, что пора начать действовать, так как после арестов было некоторое затишье.

Вышинский: Следовательно, можно считать, что с 1933 года уже действует «параллельный центр»?

Пятаков: Да.

Вышинский: Потому-то он и параллельный, что он действует одновременно с основным?

Пятаков: Да.

Вышинский: Обвиняемый Радек, что вы можете сказать по этой части показаний Пятакова?

Радек: Я подтверждаю их полностью.

Вышинский: Вы обсуждали вопрос о том, чтобы запросить Троцкого о «параллельном центре».

Радек: Да. Мы этот вопрос рассматривали и с точки зрения различного состава основного центра, и с точки зрения нашего политического доверия к зюновской части, посмотрев на то, что между нами было блок.

Вышинский: Как же это понимать?

Радек: Мы пришли к убеждению, что блок этот вряд ли сможет выдержать какое-нибудь серьезное испытание. Одной из первых забот Зюновского будет оттереть троцкистов; личные моменты будут играть большую роль. Каменин и Сокольников пойдут значительно дальше в экономическом отступлении, которое мы считали необходимым, а Зюновский будет в полной мере. Надо сохранять внешность блока, иметь, как противоядие, собственную организацию.

Вышинский: Чтобы держать в руках троцкистско-зюновский центр?

Радек: Если возьмете состав старого центра, то со стороны троцкистов там не было ни одного из старых политических руководителей. Были — Смирнов, который являлся большим организатором, член политбюро, который руководил, Мрачковский — солдат боевик, Тер — Валахан — пронацист. Мы имели к ним полное личное доверие, но не считали их способными в случае чего действительно руководить. Мы считали, что раз этот центр уже создан, то всякие изменения в центре вызовут разногласия с зюновскими и поэтому идею записного центра мы пытались применить в виде «параллельного центра». Мы решили послать запрос Троцкому.

Вышинский: Кто писал Троцкому?

Радек: Писал писало я.

Вышинский: Как вы передали это письмо?

Радек: Связь была установлена мною через Владимира Ромка, моего старого приятеля, бывшего тогда корреспондентом ТАСС за границей. Ответ я тоже получал через Ромку. Письма я немедленно скинул, но Пятакову известны все подробности о ходе информации Троцкого.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете показания Пятакова в этой части?

Радек: Да.

Вышинский: (Серебрякову): Что вы можете сказать о той части показаний Пятакова, где содержится ссылка на ваше участие?

Серебряков: Действительно, в конце ноября 1933 года в Гаграх состоялся мой встреча с Пятаковым.

Вышинский: О чем вы беседовали?

Серебряков: Пятаков кратко информировал меня о встрече с Седовым о своей работе, которую он проводил на Украине и в Западной Сибири. Он просил меня взять на себя работу по руководству связями с Грузией и на транспорте.

Вышинский: И вы дали согласие?

Серебряков: Да.

Вышинский: Он вам говорил, что вы привлекаетесь к участию в записном центре?

Серебряков: Да.

Вышинский: И вы тоже дали на это согласие?

Серебряков: Да.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова?

Серебряков: Да.

Вышинский: (обращается к Пятакову): Меня интересует: под чьим руководством действовал «параллельный центр»?

Пятаков: Троцкого.

Вышинский: Кто от имени центра осуществлял непосредственную связь с Троцким?

Пятаков: Радек, а потом я имел личную встречу с Троцким.

Вышинский: Следовательно, кем же вас и Радека непосредственно был связан с основным руководством нашей преступной деятельности?

Пятаков: Правильно.

Вышинский: Какие практические мероприятия центр проводил в жизни, в течение 1933—1934 года?

Пятаков: В 1933—1934 годах развернулась организационно-политическая работа на Украине, в Западной Сибири, позже сформировалась московская группа. Развернулась работа на Урале, причем вся эта работа уже стала переходить в область осуществления той директивы Троцкого, о которой я показывал раньше, относительно применения предательских и диверсионных методов.

Вышинский: Значит, в 1933—1934 годах под руководством «параллельного центра» возникают и оформляются на местах троцкистские ячейки. В частности, в Западной Сибири, на Урале, на Украине?

Пятаков: К этому времени возникли троцкистские группы в Каркиво, Днепрпетровске, Одессе и Киеве.

Вышинский: То есть центр уже имел свои ячейки?

Пятаков: Да. И они практически приступали к мероприятиям преступного характера.

Вышинский: В каких именно?

Пятаков: На Украине в основном работала Логинов и группа связанных с ним лиц в области кожаной промышленности. И работа этой группы в основном в виде взыскания недоготовых кожаных вещей и потом во всяческой задержке стрелкового оружия ценных и очень важных частей кожаной промышленности. Выдали вещи без использования всех тех, очень ценных, продуктов, которые получались при кожаном: тем самым огромные богатства обесценивались.

Вышинский: Это по Украине. А в других местах?

Пятаков: В Западной Сибири — на Кемерово действовал обвиняемый по этому делу Норкин. Ему немогла его главный инженер Барнев; в дальнейшем, в 1934 году, я направил туда еще Дробинца, тоже обвиняемого по этому делу, для усиления нашей работы, так как Норкин мне жаловался, что ему очень трудно одному справиться.

Вышинский: Дробинца вы направили в Кемерово специально для того, чтобы усилить вредительскую работу?

Пятаков: Я Дробинцу ставил более широкие задачи. Посылая его в Западную Сибирь (я имел разговор с Седовым о посылке Дробинца, так как Троцкий его хорошо знает лично), я проследил двойную цель: с одной стороны, активность работы Западно-Сибирского центра; с другой стороны, оказать необходимое содействие Норкину для проведения вредительства на Кемеровском комбинате.

Вышинский: Вы послали его по мощностям начальника строительства и вместе с тем для разрушения строительства?

Пятаков: Да. В Кузбассе активно развернул вредительскую работу Шестов, который имел указание непосредственно от Седова и от меня.

На Урале стала складываться подпольная группа Юлина, которая была связана к тому времени уже с группой Мелникова и других.

Вышинский: Все эти группы организовывались, складывались и осуществляли свою преступную деятельность под вашим непосредственным руководством?

Пятаков: Конечно.

Вышинский: В какой мере оставшие члены центра были осведомлены о вашей деятельности?

Пятаков: Об этом знали и Радек и Серебряков. Сокольников я осведомил позже, уже в 1935 году.

Вышинский: Какое было ваше официальное служебное положение в 1933—1934 годах?

Пятаков: Я был заместителем Народного комиссара тяжелой промышленности.

Вышинский: Следовательно, вам легче было использовать свои связи для троцкистских махинаций?

Пятаков: Да. В этом я признаю себя виновным.

На этом утреннее заседание заканчивается.

ТОРГОВЦЫ РОДИНОЙ

На склоне подсудимых в Октябрьском зале Дома Советов сидит группа полных изменников родины. Бесстрастными деревянным голосом профессора на кафедре вредительства дает показания Пятаков. Его смеется и циничный, взгляд развонянный Радек. Из уст предателя сочится, как гной, диктаторский рассказ об их торговле родиной.

Трудно найти в истории человечества подобные примеры циничного и жесткого предательства своей страны. Тайфаны, великие, как перчатка, одних буржуазных хозяев на других — малые дети по сравнению с торговцами. Вераальды, пользовавшиеся военной помощью немцев, чтобы раздвинуть Нарвскую коммуны, выгадывали ценками по сравнению с этой стаей злобных, едких троцкистских волков. Бюлак, Деникин, Юденич — и те имели какую-то свою «белую идею», мечту о «единой и великой» империи капиталистической России, управляемой пятаком и гагкой генеральской диктатурой. Даже у фашистов и у тех есть своя фашистская национализм. Но ниже всех всех скатились в чудовищное предательство своей страны троцкистские выродки.

Десять лет назад рабочий класс СССР взял власть в свои руки, чтобы построить социалистическое общество. Он победил под руководством большинства партии. Против большинства Троцкий боролся почти в течение всей своей жизни. Зюновские и Каменин предавали жарито и рабочий класс в дни предательских боев. Радек и Пятаков

в тяжелем для Брестского мира тогда кинули страну на провокационную авантюру, заявляли, что они готовы пойти на «возможность утраты советской власти». Когда наша страна под твердым руководством партии Ленина—Сталина пошла по пути строительства социализма, троцкистско-зюновская банда орала на весь мир: «Назад! Нельзя поспешить социализм в нашей стране. Не смеете!» Партия разгромила тогда троцкистско-зюновский блок. Сейчас трудящиеся СССР завершили в основном построение социализма в нашей стране.

Но мере непрерывного роста благосостояния нашей социалистической родины возрастала злоба троцкистских реставраторов капитализма. Они не могли расстаться на какую бы то ни было поддержку народов Советского Союза. Губное и презренное и народным массам предатели, не имеющие ни какой-либо опоры в массах. Изобретательные и злобные они пошли по пути террора, шпioneжа и диверсий.

В подвесах поощренных немецких ботинков вредитель Шестов привозит из Берлина письменные директивы Троцкого: стрелять в руководителей большевистской партии и советского правительства. Троцкистско-зюновский блок спешит выполнить эту директиву. Зюновский объявляет делом своей зюновской «чести» убить товарища Кирова. Троцкистский антисоветский центр организует покушение на жизнь Молотова.

Один террористический акт удался троцкистским убийцам: пред-

ательской рукой пробита драгоценная голова Сергея Мироновича Кирова. Троцкий торжествует: стрелять скорее и больше! Троцкистский центр подготовил «концентрированный террористический акт» — убийство целой группы руководителей партии и правительства. Но это лишь «первый вариант», как выражается Троцкий, его путь к власти. Второй, по мнению троцкистов, наиболее вероятный вариант — вызвать войну, добиться военного поражения СССР в результате войны с Германией и Японией. А чтобы вызвать войну, надо открыть ворота в СССР фашистским интервентам, надо гарантировать им жирную добычу, надо активно содействовать им шпионажем и диверсиями. Троцкистская «теория» о невозможности построения социализма в одной стране разлагается до своего логического конца — необходимости свержения социализма при помощи фашистской интервенции.

За «теорией» следуют дела. Троцкий ведет переговоры и затем заключает соглашение с заместителем Гитлера — Гессом, фашистским руководителем колонизационных захватов, руководителем особой разведывательной службы германской фашистской партии, правой рукой «фюрера» по организации крупных политических авантур. Оба достойные друг друга договоривающиеся стороны вали бездельный торг о куле и продаже территории, свободы и независимости Советского Союза. Независимости по договору Троцкого — Гесса отдалась Украина — страна богатая хлебом, углем, металлом. Она должна была стать, как диктатор прокричал Радек и Пятаков, германской колонией, а рабочий народ — колониальными работниками фашистского генерал-губернатора. Претру-

ция, экономически возрождавшаяся после хозяйничанья германских оккупантов в 1918 году Украина отдавалась троцкистам на грабж и фашистское насилие, обесценилась из голода, национального угнетения, на режиссированных, расстрелов и концентрационных лагерей. Вырождающаяся Украина германским фашистам была одобрена антикоммунистическим троцкистским центром в СССР. Радек подкрепил политические сделки Троцкого с германским фашизмом в своих личных беседах в Москве с военным атташе, фашистским генералом от диверсии.

Сделка с германским фашизмом представлялась, однако, недостаточной для троцкистских торговцев родиной. Она дополняется сделкой с военно-фашистской Японией. Троцкий обещает отдать ей Приморье. Предатель Сокольников в беседе с иностранным послом подтверждал от имени троцкистского центра «серьезность» обещания, данных Троцким японцам. Недаром так много раз за последние два года японская военщина пыталась проглотить штыком, крепка ли советская граница на Дальнем Востоке. Не время ли оторвать кусок куска от области, которые уступил Японии атаман беллетский шайки Троцкий. Наши германско-японские грудо зашищали дальневосточные земли социалистической родины, на которые покупалась японская военщина. Раненому бойцу послали из лазарета товарищу Сталину: «Стрелит зубья с беспредельной пелавью и врагам человечества поджигателям войны мы храним за каждый вершок советской земли». Теперь герон-красноармейцам узнаю, как Троцкий торговал их кровью, торговал записными или советской землей.

Не только отдельными территориями — всей страной торговали троцкистские изменники. По договору с германским фашизмом — об этом достаточно цинично рассказывал Радек — они обязались отдать германскому и японскому капиталу фабрики, заводы, шахты, рудники. Они отдавали германским капиталистам железную руду, марганец, нефть, золото, лес. Они предавали независимость страны, или на превращение СССР в колонию фашистской Германии. Они торговали народами Советского Союза, как торгуют крестными рабами.

Чувства жгучего негодования и ненависти охватывают трудящихся нашей страны, угнанных о том, как ползу торговали троцкисты нашей землей, нашей свободой, нашей независимостью.

Мы горячо любим наше великое социалистическое отечество. Из края в край нашей страны звучит песня о том, что «родину мы любим, бережем, как законную мать». Над нашей матерью-родиной хотели разругаться троцкистские выродки.

Любовь к родине — это могучая сила, сплачивающая многонациональные республики Советского Союза. Нам дорога наша родина, каждый клочок ее земли. Нашим святым делом, нашей социалистической заповедью являются слова товарища Сталина: «...Своей землей ни одного вершка, своей землей не отдадим никому».

Торговать нашей родиной мы никому не позволим. Суровая рука советского правосудия беспощадно покарат полных троцкистских изменников социалистического отечества трудящихся всего мира.

(Переданная «Правда» за 25 января, передана по телеграфу).

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ЯНВАРЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

Вышинский: Расскажите об известной вам конкретной вредительской работе троцкистских организаций?

Пятаков: Вредительская работа была развернута на Украине, главным образом, по линии кожаной промышленности. Вновь строившиеся кожаные вещи входили в эксплуатацию недостроенными, задерживались и почти не строились химическая часть на этих заводах, благодаря чему громадные средства, которые вкладывались в кожаную промышленность, обесценивались. С другой стороны, портились новые кожаные багаторы.

Западно-Сибирский троцкистский группа велла активную вредительскую работу в угольной промышленности. Эту работу велли Шестов и его группа, главным образом, по линии осуждения строительства объектов, средства распылялись по второстепенным объектам и таким образом, огромные средства и средства не уходило в процесс стройки.

Вышинский: Норкин, Барнев, Дробинца была в курсе этого дела?

Пятаков: Да, они были в курсе этого дела. В курсе дела были, доверно, Муралов и Богуславский.

На Урале вредительская деятельность была сосредоточена в угольной промышленности и на Уральском машиностроительном заводе.

В угольной промышленности дело сводилось к тому, чтобы прежде всего снизить производительность работающих действующих шахтных заводов.

Вышинский: А кто personalmente вредительскую работу вел?

Пятаков: В основном эту работу вел Колетов—управляющий Уральскими по директору Троцкого, затем персонально по своим директивам.

На местном заводе Среднеуральского начальником Среднеуральского Юмкин, а затем Шарникова велла вредительская работа, заключавшаяся в вощивании средств, недоделавшихся когда строились, созданию разрыва между химической и металлургической частями производства, вредящее опрессовке турбин.

(Продолжение см. на стр. 3-стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

На уральском вагоностроительном заводе начались строительные работы Марьянин навозил материалы на железные колесные материалы, оборудование и прочее. Я думаю, что в начале 1936 года там находилось в ограниченном состоянии материалов на 50 миллионов рублей.

Рядительскую работу в химической промышленности проводил Ратайчик. В животной промышленности предельную работу вел Ратайчик и Пичин при моем непосредственном участии. Здесь шла систематическая переделка проектов, постоянное заминание проектирования и тем самым затягивание строительства.

Вышинский: Расскажите о вашей диверсионной деятельности.

Пятаков: Собственно, все произошло по нашим указаниям и по моим, в частности. Установка делалась, но я не могу конкретно сказать, что я давал указания произвести именно такую-то и такую-то диверсию.

Вышинский: А насчет Кемарова не было так?

Пятаков: Нет, это тоже черт знает что. Я подтверждаю показания Нарина и сейчас подтверждаю, что в соответствии с полученной мной установкой Троцкого, я сказал Порхачу, что, когда наступит момент войны, очевидно, Кемарову нужно будет вывести тем или иным способом из страны.

Вышинский (обращаясь к Норжину): Приведите разговор с Пятаковым относительно того, чтобы вывести химкомбинат из страны на случай войны.

Норжин: Было сказано совершенно ясно, что нужно подготовить в момент войны вывод оборонных объектов из страны путем взрывов и взрывов.

Вышинский: Шла ли речь о человеческих жертвах?

Норжин: Такое указание было дано.

Вышинский: А насчет баранов был разговор?

Норжин: В общем трудно воспроизвести полновесную формулировку, но она была резка в том смысле, что нечего случиться и никого не надо жалеть.

Вышинский (к Пятакову): Были ли как-нибудь связаны члены вашей организации с иностранными разведками?

Пятаков: Да, были. Надо вернуться к установкам Троцкого для того, чтобы было ясно. Троцкий говорил, что без необходимой поддержки со стороны иностранных государств правительство блока не может ни прийти к власти, ни удержать ее в власти. Поэтому речь идет о необходимости соответствующего предварительного соглашения с наиболее агрессивными иностранными государствами, такими, как Италия, Германия и Япония, и что им, Троцким, соответствующие шаги уже предпринимаются.

Далее Пятаков поясняет, что Троцкий выразил недовольство по достижению активности Сокольников во время тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого, Радек также имел такие встречи. Сокольников рассказывал Пятакову, что он сакрифицировал переговоры с японскими представителями.

Пятаков: В этом же разговоре мы очень много внимания уделяли вопросу о расширении блока. Мы тогда и роптали, что необходимо работу по созданию советского правительства организовать вместе с японцами.

Сокольников заявил о встрече с Топольским и увиделся с ним. Он пердал, что Топольский выразил свое полное согласие на организационное включение в блок, считая абсолютной необходимостью организовать террористическую работу, но должен поговорить с Топольским и Бухариным, что он и сделал потом, и уже давал ответ от имени всех троих.

Вышинский: Кроме Топольского велась работа с кем-нибудь из этой группы?

Пятаков: Радек имел связь с Бухариным. Я был связан с Бухариным до 1934 года, т. е. до ухода его из наркомата, а после он перешел в «Известия», эта связь перешла к Радеку.

Примерно в начале декабря 1935 года Радек получил обстоятельное письмо — инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой инструкции поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, а второй вариант — во время войны.

Первый вариант Троцкий предлагал в результате, как он говорил, централизованного террористического удара. Он имел в виду оговоренное совершение террористических актов против Сталина и ближайших его помощников.

Второй вариант, который был с точки зрения Троцкого более вероятным, — это вооруженное поразение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего, с Германией, а возможно с Японией, следовало, имея в виду о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительством этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а значит, рядом с этими странами на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удержаться у власти.

Вышинский (к Радеку): Помогатель Радек, были ли получены вами в 1935 году, или несколько раньше, от Троцкого два письма или больше?

Радек: Одно письмо — в апреле 1935 года, второе — в декабре 1935 года.

Вышинский: Содержания их соответствует тому, что здесь говорил Пятаков?

Радек: В основном — да. В первом письме по существу речь шла об окончании войны, как действительного условия прихода к власти троцкистов. Второе же письмо разрабатывало эти, так называемые, два варианта прихода к власти. Во втором письме речь шла о возвращении к партизанству.

Вышинский: В этом письме было ли что-нибудь об условиях, которыми должна выполняться операция в власти группа «параллельного цент-

ра» в пользу иностранных государств?

Радек: Вся программа была направлена на это.

Вышинский: Конкретно говорилось о территориальных уступках?

Радек: Было сказано, что первоначально это будет необходимо.

Вышинский: Отдать Украину?

Радек: Когда мы читали письмо, мы не имели сведений в этом. Как это будет называться — германской Украиной или иначе — дело идет об ущемлении германской экспансии на Украине. Что касается Японии, то Троцкий говорил об уступке Приморья и Приморья.

Вышинский (Пятакову): Расскажите, что он и сказал потом, и уже давал ответ от имени всех троих.

Пятаков: В конце 1935 года в разговоре моем с Радеком стал вопрос о необходимости тем или иным способом сотрудничать с Троцким. Так как в этом году я имел служебную командировку в Берлин, Радек рекомендовал мне обратиться в Берлин к Бухариному, который имеет связь с Троцким, с тем чтобы он помог организовать эту встречу. Это было в первой половине декабря.

Далее подсудимый Пятаков поясняет, что при помощи Бухарина и доверенного лица Троцкого, он имел встречу с Троцким в Осло. Из Берлина тем же доверенным лицом Троцкого он, Пятаков, был доставлен на самолете в Осло, и после разговора с Троцким, в тот же день на самолете вернулся в Берлин.

Вышинский: Расскажите, о чем вы беседовали с Троцким?

Пятаков: Разговор начинался с моей информации о том, что троцкистско-японский центр уже создан. К этому времени Троцкий уже получил письмо Радика, и он был особенно возмущен. Во время беседы, по моему признанию, бросил весьма охладительные слова и решил насчет приличествования, непонимания обстановки, вроде: «явите по старине», и в конце концов слово, промолвил какие-то слова недовольства. Когда дело дошло до действительности, он разразился целой филиппикой, бросил колкости вроде того, что «не можете оторваться от сталинской агитации, вы принимаете сталинское строительство за социалистическое».

Тут же очень резко, отчетливо и ясно сформулировал он свою полную отрицательную действительность. Троцкий говорил, что вооруженное столкновение и поражение СССР неизбежно, и если мы будем относиться к этому равнодушно, то в руках сталинского правительства падут и все троцкистские кадры. Именно поэтому он считает, что первоначальной целью совершено необходимо, он вытеснит из страны троцкиста.

Он сказал, что война, по его мнению, на посту, что речь идет о 1937 году. Означая, информация эта была по собственному его изобретению. Что касается некампаньерной обстановки, то речь шла о том, что реально связи являлись в первую очередь, фашисты, и с этими силами надо установить связь и обеспечить благоприятное к себе отношение на случай прихода к власти. Он

уверял нас, что мы недостаточно активно занимаемся диверсионной, агентурной и террористической работой, и сказал, что договорился с фашистами и советскими представителями о благоприятном отношении и поддержке в случае прихода блока к власти как в вооруженное время, так и до войны.

За это фашисты получают издевательскую компенсацию: общее благоприятное отношение к германским интересам, к германскому правительству во всех вопросах международной политики; известные территориальные уступки, в частности, речь шла о квазиуничтоженной форме территориальных уступок, которая имела вид «непротекторатной украинской автономии» — «буковинским силам в случае их самоопределения».

Вышинский: Что это означает?

Пятаков: Это означает, что, если немцы посадят свое украинское правительство, — троцкистско-японский блок этому не будет противодействовать. По существу это означало разделение СССР.

Следующий пункт соглашения касался того, в какой форме немечий капитал получит возможность эксплуатации в СССР необходимых ему сырьевых ресурсов — золотых рудников, нефти, марганца, леса, алюминия и т. д.

Вышинский: А насчет диверсионных актов на случай войны?

Пятаков: В случае вооруженного нападения диверсионная агентурная работа, которая ведется троцкистско-японской организацией в СССР, должна вестись по указаниям Троцкого, которые должны согласовываться с немцами генеральными штабами.

В конце беседы вышел у нас такой разговор. Приход к власти будет означать, что мы должны сильно отступить по направлению к капитализму. В этой связи Троцкий говорил, что по сути дела у нас ограда притянута с немцами, поскольку только приняла диверсионно-агентурную программу и считают, что наше отступление к капитализму.

Вышинский: Итак, что нового вам сказал Троцкий в 1935 году?

Пятаков: Новое, если хотите, было сформулировано в достаточной мере отчетливо: троцкистская организация по существу превращается в приют для фашизма.

Вышинский: Теперь, я хочу вас спросить относительно нашей организации террористических актов. И вы же это конкретно выражали?

Пятаков: После всего, это организация террористических групп в Западной Сибири для убийства Яго.

Вышинский: Еще для какой цели они организовались в Западной Сибири?

Пятаков: В Западной Сибири была группа покушения на Молотова, на Украинца — на Кошара и Посташева. На Украине были разговоры с троцкистами о перерождении уральских троцкистских кадров в Москву.

Вышинский: Для какой цели в Москву перебросить?

Пятаков: Против руководителей партии и правительства: Сталина, Молотова, Орджоникидзе, Ворошилова. Речь шла о более или менее организованном совершении террористических актов.

Вышинский (к Сербракову): Вы подтверждаете это показание Пятакова?

Сербраков: Да. Это предостерегает террористический акт на Каюна.

Вышинский (к Пятакову): Кто действовал непосредственно под вашим руководством в Москве?

Пятаков: В Москве непосредственно под моим руководством действовала группа Юлиана, куда входили Асольнов, Довгачев, Колосов.

Вышинский: Что она ставила своей задачей?

Пятаков: Убийство Сталина и Кагановича.

Вышинский: Убийство Сталина и Кагановича в 1924 году.

Вышинский: Вы знакомы также и с Пятаковым?

Бухарцев: С Пятаковым я познакомился в 1935 году.

Далее свидетель Бухарцев показывает, как он организовал встречу Пятакова с доверенным лицом Я.

Пятаков: В Западной Сибири была группа покушения на Молотова, на Украинца — на Кошара и Посташева. На Украине были разговоры с троцкистами о перерождении уральских троцкистских кадров в Москву.

Вышинский: Для какой цели в Москву перебросить?

Пятаков: Для совершения террористических актов.

Вышинский: Против кого?

Пятаков: Против руководителей партии и правительства: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе. Речь шла о более или менее организованном совершении террористических актов. Троцкий на этом особенно сильно настаивал.

Вышинский: Речь шла также и относительно Закавказья?

Пятаков: Да. Речь шла и относительно закавказских террористов. Сербраков говорил с Мурашова о том, чтобы в случае необходимости перебросить в Москву закавказских троцкистских террористов.

Вышинский (к Сербракову): Вы подтверждаете это показание Пятакова?

Сербраков: Да. Это предостерегает террористический акт на Каюна.

Вышинский (к Пятакову): Кто действовал непосредственно под вашим руководством в Москве?

Пятаков: В Москве непосредственно под моим руководством действовала группа Юлиана, куда входили Асольнов, Довгачев, Колосов.

Вышинский: Что она ставила своей задачей?

Пятаков: Убийство Сталина и Кагановича.

Вышинский: И вы непосредственно этим руководили?

Пятаков: Да, непосредственно, как член центра.

Вышинский: Еще что?

Пятаков: Затем мне были извест-

ствествования и деятельности об-единенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале—марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда сказал?

Радек: Троцкий, примерно, говорил: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у нас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что, новое в этом фазисе состоит в том, что нам мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства». Слово террор не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Приблизительно к концу сентября или октября 1932 г. я принял решение о возвращении на путь борьбы. Прозвонил разговор между мной и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил идти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу, и как далеко продвинулось дело объединения с японцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь объединились с японцами и возьмемся за подготовительную работу.

Как показывается затем Радек, Мрачковский сказал ему, что на случай провала объединенный центр хочет сохранить Радека, Пятакова, Сербракова для руководства в дальнейшем антисоветской борьбе.

Далее Радек признает, что ему задолго до убийства Кирова было известно о подготовке к этому покушению со стороны японцев. Так как же покушение готовили и троцкисты, причем здесь виднейшую роль играл сам Радек, выдвинувший организации террористической группы в Ленинграде Пригожина. Знал он и о том, что общее руководство террористической деятельностью японцев осуществлял Баккер, как Мрачковский в организации троцкистов, а в Москве руководил Рейнгольд.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании групп под руководством Фишлянта. Заместитель Дрейфера Гавский меня известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр — он назвал Кошубовского, Голубенко и, кажется, Логанова — формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется; как будто назвал при этом и фамилию Мурашова.

Кроме этого, он говорил, что в Тузе возникла или возникнет какалте террористическая группа.

Вышинский: Пятаков назвал вам фамилию?

Радек: Он не назвал фамилии руководителей, но сказал, что это

группа связана с Дитяевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белообородовым группы в Ростово-на-Дону. Было также известно, что Млинин сформировал группу. В 1935 году я узнал о японцевой группе, это была группа Закавказья, с которой был связан в Москве мой сотрудник Тивель.

Вышинский: Какие вы можете назвать конкретные факты о связи с группой правых?

Радек: У меня была связь только с Бухариным. Томского и видел только в 1933 г., когда он говорил и очень острой форме о внутрипартийном положении.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 г. после дарада Бухарина для работы в редакции «Известий». В это время мы с ним заговорили как члены двух контактирующей центром. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?». Он сказал: «Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с моей стороны.

Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебе назначат контактирование всеми террористическими организациями, тебе все на стол выложат».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало чувствительности в народных массах, как рассчитывали троцкисты-японцы, а, наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества японцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания террористической акции, или он требует идти вперед к групповому террористическому акту. Бухарин мне сообщил, что у них в центре много думалось, что было бы легким делом и малодушным на основе результатов убийства Кирова отказаться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, промывальной, серьезной борьбе, от партизанщины — к планомерному террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Принял, поставил в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговор перед Сокольниковым вопрос: мы продолжим борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Каков был ответ?

Радек: Ответ был: «Продолжаем».

При дальнейшем допросе выясняется, что троцкистский центр организовывался с этой целью попытки обогнать руководство террористическими группами. Руководителем их назначал Дрейфер.

(Обращение см. на 4-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Пятаков: В Западной Сибири была группа покушения на Молотова, на Украинца — на Кошара и Посташева. На Украине были разговоры с троцкистами о перерождении уральских троцкистских кадров в Москву.

Вышинский: Для какой цели в Москву перебросить?

Пятаков: Для совершения террористических актов.

Вышинский: Против кого?

Пятаков: Против руководителей партии и правительства: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе. Речь шла о более или менее организованном совершении террористических актов. Троцкий на этом особенно сильно настаивал.

Вышинский: Речь шла также и относительно Закавказья?

Пятаков: Да. Речь шла и относительно закавказских террористов. Сербраков говорил с Мурашова о том, чтобы в случае необходимости перебросить в Москву закавказских троцкистских террористов.

Вышинский (к Сербракову): Вы подтверждаете это показание Пятакова?

Сербраков: Да. Это предостерегает террористический акт на Каюна.

Вышинский (к Пятакову): Кто действовал непосредственно под вашим руководством в Москве?

Пятаков: В Москве непосредственно под моим руководством действовала группа Юлиана, куда входили Асольнов, Довгачев, Колосов.

Вышинский: Что она ставила своей задачей?

Пятаков: Убийство Сталина и Кагановича.

Вышинский: И вы непосредственно этим руководили?

Пятаков: Да, непосредственно, как член центра.

Вышинский: Еще что?

Пятаков: Затем мне были извест-

ствествования и деятельности об-единенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале—марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда сказал?

Радек: Троцкий, примерно, говорил: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у нас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что, новое в этом фазисе состоит в том, что нам мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства». Слово террор не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Приблизительно к концу сентября или октября 1932 г. я принял решение о возвращении на путь борьбы. Прозвонил разговор между мной и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил идти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу, и как далеко продвинулось дело объединения с японцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь объединились с японцами и возьмемся за подготовительную работу.

Как показывается затем Радек, Мрачковский сказал ему, что на случай провала объединенный центр хочет сохранить Радека, Пятакова, Сербракова для руководства в дальнейшем антисоветской борьбе.

Далее Радек признает, что ему задолго до убийства Кирова было известно о подготовке к этому покушению со стороны японцев. Так как же покушение готовили и троцкисты, причем здесь виднейшую роль играл сам Радек, выдвинувший организации террористической группы в Ленинграде Пригожина. Знал он и о том, что общее руководство террористической деятельностью японцев осуществлял Баккер, как Мрачковский в организации троцкистов, а в Москве руководил Рейнгольд.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании групп под руководством Фишлянта. Заместитель Дрейфера Гавский меня известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр — он назвал Кошубовского, Голубенко и, кажется, Логанова — формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется; как будто назвал при этом и фамилию Мурашова.

Кроме этого, он говорил, что в Тузе возникла или возникнет какалте террористическая группа.

Вышинский: Пятаков назвал вам фамилию?

Радек: Он не назвал фамилии руководителей, но сказал, что это

группа связана с Дитяевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белообородовым группы в Ростово-на-Дону. Было также известно, что Млинин сформировал группу. В 1935 году я узнал о японцевой группе, это была группа Закавказья, с которой был связан в Москве мой сотрудник Тивель.

Вышинский: Какие вы можете назвать конкретные факты о связи с группой правых?

Радек: У меня была связь только с Бухариным. Томского и видел только в 1933 г., когда он говорил и очень острой форме о внутрипартийном положении.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 г. после дарада Бухарина для работы в редакции «Известий». В это время мы с ним заговорили как члены двух контактирующей центром. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?». Он сказал: «Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с моей стороны.

Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебе назначат контактирование всеми террористическими организациями, тебе все на стол выложат».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало чувствительности в народных массах, как рассчитывали троцкисты-японцы, а, наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества японцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания террористической акции, или он требует идти вперед к групповому террористическому акту. Бухарин мне сообщил, что у них в центре много думалось, что было бы легким делом и малодушным на основе результатов убийства Кирова отказаться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, промывальной, серьезной борьбе, от партизанщины — к планомерному террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Принял, поставил в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговор перед Сокольниковым вопрос: мы продолжим борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Каков был ответ?</

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО РАДЕКА

Вышинский: Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года. В письме от 1934 г. Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, — писал он, — создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с некоторыми дальневосточными и некоторыми среднеевропейскими государствами, что он официально кругом этих государств открыто сказал, что блок стоит на пути сделки с ними и готов на значительные уступки и экономическое и территориальное характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представлений соответствующих государств нашего соглашения с этими его шагами.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщил о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завышения его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы официально, как центр, но и лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 г. на одном дипломатическом приеме, известный мне дипломатический представитель средне-европейской державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Наши руководители (он это сказал выкриком) знают, что господина Троцкий стремятся к сближению с Германией. Наш вопрос спрашивает, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмиграции, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР по-прежнему значение германско-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель донес, что раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и реальные политики; реальные — это советское правительство, а реальные — это троцкистско-эмигрантский блок. И понятие был смысл того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для сближения с вашим правительством и со страной, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понял, что совершенно акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом Троцкого, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольников, Серебрякова.

Вышинский: Какие вопросы стояли в письме?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, идти на уступки.

Вышинский: Значит вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению?

Радек: Мы были заинтересованы в поражении.

Пятаков, Сокольников и Серебряков на вопрос государственного обвинителя об их отношении к поражению ответили, что они разделяли позицию поражения.

Вышинский (к Радеку): Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 г. Расскажите о нем.

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения является неизбежность территориальных уступок и называл это «деланием Украины». Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической он предвидел следующие последствия поражения: отдала не только в концессию важным для империалистических государств обветшавшие предприятия, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они имеют. Троцкий предвидел облигационные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально остаются в руках советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустили, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в торговле.

Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожидает 18 лет революции, и у него апетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелой конкуренции с иностранным капиталом. Значит, — будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами эта власть будет прикрыта. Если хотите аналогия историческая, то это будет аналогия с властью Наполеона I, «это будет большеартистская власть». «Продумайте эту аналогию», — писал Троцкий. Он отдался себе отчет в том, что хитрым положением, благодаря которому блок может прийти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и военный фашизм с другой — дальневосточной страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касающуюся предательства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может прийти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно — формулировка, что неизбежно вырывание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея вырывания, которая была псевдонимом реставрации капитализма, и была тем специфическим новым, что бросилось сразу нам в глаза.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл вырыванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас — поставить на место советской власти то, что он называл большеартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного фидеизма — капитализма, служащий чужому фидеизму капитализма.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое — раздел страны. Германия намечено отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрбанды в виде растительных продуктов, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал — это без цифр, а после более определенно — известный процент обесценения новейшим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное взбалтывание страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Союзными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помык в завоевании Китая японским империализмом.

Вышинский: А насчет придунайских стран?

Радек: О придунайских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, по-видимому, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания о необходимости расширения и активизации предательской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность увязывалась со всей программой и на нее указывалось, как на один из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорилось о необходимости разложения троцкистской армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорилось?

Радек: Говорилось специально. Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми удастся заключить соглашения, т. е. с итабками соответствующих иностранных государств.

Вышинский: Не было ли речи о восстановлении железнодорожного транспорта?

Радек: Для транспорта не могло быть исключений.

Государственный обвинитель выслушал отношение подсудимого к письму Троцкого в декабре 1935 г. и директивам, присланным Пятаковым от Троцкого.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поездка Пятакова была результатом нашего совещания. Мы пришли к убеждению, что я должен использовать лежащее у меня тройкратное приглашение для поездки в Осло с докладом студентству. Если бы Пятаков не имел командировки, я имея на это разрешение, поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что намечалась ваша поездка за границу?

Радек: Или моя, или Пятакова. И это было в тот момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

Прерывали ли вы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машака крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто — «за разговор живешь», для прекрасных слов Троцкого — страна должна возвращаться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как дом сумасшедших. И, наконец, немаловажный факт:

раньше стоял вопрос так, что мы должны встать за власть потому, что мы убеждены, что сможем что-то обеспечить стране.

Теперь мы должны драться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Директива Троцкого о соглашениях предательства с иностранными кругами означала, что в нашу организацию включаются резидентура иностранных держав. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый ход это было идти в ЦК партии, сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел.

Но я пошел в ЦК, а за мной пришел ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грустный.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: В 1934 году вы считали поражение неизбежным. В силу чего?

Радек: Считал, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считал неизбежным, принимал.

Вышинский: А в 1935 г. видели, что страна сильна и это не оправдывается?

Радек: Что поражение не оправдывается, а что его не будет, это переральная программа, поэтому я был против программы, которая базируется на переральных основах.

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и письме, означала предложение об изменении роля?

Радек: Да.

Вышинский: Вы признаете, что факт беседы с господином в ноябре 1934 г. это есть измена ролю?

Радек: Я считаю это в момент разговора вопроса, который теперь, как и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех условий, которые целиком и безоговорочно до того принимали? Коль у вас какие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

Объявляется перерыв до 6 часов вечера. (ТАСС.)

Вышинский: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вышинский: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Бошечно, нет.

Вышинский: На кого же?

Сокольников: Говорю без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вышинский: На кулака, на остальную кулака?

Сокольников: Так. Блок должен был привести к тому, что эти элементы должны были расширяться.

Вышинский: Через какие органы желал ваш путь к власти, по вашему представлению?

Сокольников: Путь к власти ложал через постепенное восстановление капиталистических элементов, которые бы вытеснили и, в известной мере, замещали элементы социалистические.

Вышинский: А относительно агитаторов?

Сокольников: Мы шли на соглашение с ними, которое бы привело к тому, что в ходе войны и в результате поражения СССР правительством блока могло бы прийти к власти.

Вышинский: Вы сказали, что вы исходили из необходимости опереться на известные социальные слои населения. Вы назвали кулака, как опору блока. Правильна эта формулировка?

Сокольников: Да, как такую силу, которая, получая от правительства блока определенные выгоды, будет заинтересована в сохранении власти этого блока.

Вышинский: Кроме этого, на какие еще элементы вы рассчитывали? Рассчитывали ли блок в своей борьбе ограничиться только своими собственными силами, или он имел в виду объединить и другие антисоветские элементы в стране?

Сокольников: Несомненно, это вытекало из той экономической политики, которую намечал блок. Естественно, если блок предлагал предоставление концессий иностранному капиталу, слезу в аренду отдельных заводов иностранному капиталу, предлагал, во всяком случае вначале частичный выпуск колхозов, то очевидно, что это означало не только прямые элементы крупного капитализма, но и мелко-капиталистическую среду, мелких торговцев, мелких буржуазов, которые были бы заинтересованы в со-

хранении этого режима и поддержке блока таким образом блок.

Вышинский: А вот в связи с тем, что вы говорили относительно «опереться на колхозно-крестьянские слои»: какое было отношение блока к политике индустриализации?

Сокольников: Отрицательно. Блок считал, что политика индустриализации будет свернута, что часть предприятий перейдет к империализму.

Вышинский: т. е. вы хотели отказаться от политики индустриализации?

Сокольников: Да.

Вышинский: А политика коллективизации?

Сокольников: Предполагалось отказаться от политики коллективизации, свернуть эту политику.

Вышинский: Значит, восстановление классового деления общества?

Сокольников: Восстановление капитализма — это и есть восстановление классов.

Председательствующий: Повторяю Сокольников, с какими террористическими группами вы были связаны в 1935—1936 гг.?

Сокольников: В 1935 г. по мне прошел Тивель, и сообщил, что он связан с террористической группой Заска — Глазгова. Тивель ссылавался на указания о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорил тогда, что у них было задание подготовить террористический акт против Оттава.

Председательствующий: Известно было о подготовке в 1934 году покушения на тов. Киров? Известно ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществил покушение на тов. Киров?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, и точно не могу сказать, что в Ленинграде готовили покушение против Кирова. Кто его выполнял, я не знал. О деталях этого дела меня не осведомили. Но в 1932 г. я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников поясняет, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, что в центр входил Левин, Котляков, Манделштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Баксаева и Рейнгольда.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 ЯНВАРЯ ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ РОММА

Суд переходит к допросу свидетеля Ромма, бывшего корреспондента советской печати за границей и давнишнего личного друга Радека.

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве в 1930 г. по 1934 г.

Вышинский: В Женеве вам приходилось встречаться с Радеком?

Ромм: Да, весной 1932 года. Когда Радек приехал в Женеву, я передал ему письмо Троцкого, которое получил от Седова незадолго перед тем в Париже.

Вышинский: Что же вам сообщила Радек о содержании этого письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об объединении с знаменитыми, о переходе к террористическому методу борьбы против руководства ВКМ(б), в первую очередь, — против Сталина и Ворошилова.

Далее свидетель Ромм показывал, что осенью 1932 года, будучи в Москве, он получил от Радека письмо к Троцкому, которое пришло через Берлин посылкой по ранее обусловленной с Седовым адресу. Письмо это было заделано в конверт одной немецкой книги.

Вышинский: Когда была ваша следующая встреча с Седовым?

Ромм: В июле 1933 года, в Париже. Седов сказал, что хочет встретиться мне в Париже. Через несколько дней он мне позвонил, и мы встретились в Бульварский лес, где встречались с Троцким.

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: Чтобы подтвердить устно те указания, которые я в письме дал в Москву. Разговор он начал с вопроса о создании «параллельного центра». Он сказал, что опасность преобразования знаменитых партия, и она будет велика лишь в том случае, если троцкисты не проявят должной активности. С этой «параллельного центра» он согласен, но при перенесении условия сохранения

блока с знаменитыми и далее при условии, что этот «параллельный центр» не будет бездействующим, а будет активно работать, собирать вокруг себя наиболее стойкие кадры. Затем он перешел к вопросу о том, что в данный момент особое значение приобретает не только террор, но и кредитная деятельность в промышленности и в народном хозяйстве вообще. Он сказал, что в этом вопросе, видимо, есть еще колебания, но надо понять, что человеческие жертвы при кредитных актах неизбежны, и что основная цель — это через ряд кредитных актов подорвать доверие к сталинской пятилетке, к новой пятилетке, и тем самым, к партийному руководству. Подчеркивая необходимость самых крайних средств, он процитировал латинское изречение, которое говорит: «Что не излечивает лекарство, то излечивает железо, то излечивает огонь». Я, помню, задавал неудобный вопрос — о том, что это же будет подрывать обороноспособность стран, в то время как сейчас, в приходе Гитлера к власти, опасность войны, в частности опасность нападения на СССР со стороны Германии, становится особенно актуальной. На этот вопрос я развернутого ответа не получил, но был брошена Троцким мысль о том, что именно обострение военной опасности может остановить на очереди вопрос о «пораженчестве».

Затем он передал мне книгу — роман Новикова — Пшибо «Цукма», сказав, что в перелом этой книги заделано письмо Радеку. Эту книгу я взял с собой в Москву и по приезде передал ее Радеку у него на квартире. Я Радеку рассказал о своем разговоре с Троцким. Он сказал, что, очевидно, к моменту моего возвращения из отъезда он даст мне ответ для Троцкого. Вернувшись из отъезда в конце сентября 1933 года, я получил от Радека для передачи через Седова письмо Тро-

кому, заделанное опять — так и перешел немецкой книги.

Письмо это я передал Седову в Париже в ноябре 1933 года. Следующая моя встреча с Седовым была в апреле 1934 года в Париже. Я ему сообщил, что в скором времени буду назначен в Америку, так что по части связи помогать не смогу. Он об этом пожалел и затем, узнав, что я через короткое время еду в Москву, просил меня привезти от Радека подробный доклад о положении дел, о работе всей организации.

Вышинский: Вы выполняли поручение?

Ромм: Да, выполнял. Я передал Радеку это поручение, и в мае 1934 года, перед моим отъездом в Америку, он мне вручил письмо опять — так заделанное в книгу. Письмо, по его словам, содержало подробные отчеты как действующего, так и «параллельного центра» о развертывании политической и диверсионной работы. Это письмо я передал в Париже Седову.

Вышинский: К чему сводился весь разговор с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Ромм: Седов сказал мне, что в связи с моей поездкой в Америку имеется одна просьба Троцкого: в случае, если будет что либо интересное в области советско-американских отношений, — его информировать.

Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал мне: «Вам известно, что наша установка — из Парижа к власти через поражение Советского Союза в войне. Конкретно речь может идти только о войне Германии и Японии против Союза. Поскольку японцы в своих решениях, отрядах и т. п. будут, естественно, учитывать то или иное состояние советско-американских отношений, они представлят собой интерес».

Вышинский: Для чего?

Ромм: Для Троцкого.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛЬНИКОВА

Вышинский: Расскажите, пожалуйста, о вашем отношении к объединенному троцкистско-эмигрантскому террористическому центру.

Сокольников: Мне было известно состав объединенного центра, были известны террористические установки, было известно, что еще осенью 1932 года объединенный центр намечал подготовку террористических актов против Сталина и Кирова. Было известно, что Баксаев поручена работа по сосредоточению всех связей с террористическими группами объединенного центра. Было известно, что московские террористические группы подчинены Рейнгольду. Моя работа в «параллельном центре» началась летом 1935 г. До этого она выражалась в выполнении поручения относительно переговоров с одним дипломатическим представителем. В начале 1934 года Каменев предпринял меня, что дипломатический представитель одной страны может обратиться ко мне с вопросом о подтверждении того, что переговоры, которые ведутся Троцким за границей, ведутся не от своего собственного лица, а что за Троцким действительно стоит организация, представителем которой он и является.

Вышинский: Такой вопрос был обращен к вам?

Сокольников: Да, в середине апреля 1934 года, после окончания одной из официальных бесед с представителем одной страны, в которой я часто встречался по своим служебным обязанностям. Разговор произошел по окончании официальной беседы, когда переводчики вышли в соседнюю комнату. В то

время, когда я проводил своего собеседника к выходу, он спросил меня, известно ли мне, что Троцкий обратился к некоторым предложениям к его правительству. Я подтвердил, что мне это известно. Он спросил далее — являются ли эти предложения серьезными? Я подтвердил и это. Он спросил меня — является ли это моим личным мнением? Я сказал, что это не только мое мнение, что это мнение и моих друзей.

Вышинский: Вы передавали кому-нибудь об этой беседе с представителем иностранного государства?

Сокольников: Об этой беседе я, примерно через месяц, разговаривал с Радеком, а потом с Пятаковым. В июле 1935 года Радек мне сообщил, что Троцкий выразил неудовольствие, что я выполняю это поручение формально, т. е. подтверждаю полностью, но не подтверждаю предложение по существу, не защитил их, не агитировал за них.

Летом 1935 года, несколько месяцев спустя после арестов Зиновьев и части троцкистов, знал, что я выделен в «параллельный центр», считал, что я обязан связаться с его членами.

Я обратился первоначально к Радеку.

Вопросы, которые мы обсуждали с Радеком, были вопросы выполнения террористических установок и вопросы организационного порядка в этой связи. Затем мы обсуждали и некоторые программные вопросы.

Вышинский: Какие например?

Сокольников: Программные вопросы в связи с изменением международной обстановки. Мне известно

было о переговорах, которые вели члены объединенного центра с правыми.

Вышинский: С кем персонально?

Сокольников: Я знаю, что Каменев вел переговоры с Бухариным и Рыковым, знал, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Томским и Углановым.

В этих переговорах была установлена общность и основные программные вопросы и общность тактических установок, в частности принятие террористического способа борьбы. Но правые не вошли в блок. Они заявили, что, будучи согласны со всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать лишь контакт с объединенным центром.

Что касается программных установок, то еще в 1932 году говорилось, что и троцкисты, и знаменитые, и правые складывались в основном на программу, которая раньше характеризовалась, как программа правых. Это — так называемая троянская платформа, она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 г.

Вышинский: Вы с Пятаковым говорили после того, как он вернулся из-за границы?

Сокольников: Да. Это было в январе 1936 г. Пятаков сообщил мне о том, что Троцкий вел переговоры с Гессом.

В этих переговорах Гесс был уполномочен выставлять гребенчатые вопросы касались из области германских интересов, но также интересов еще одной страны.

корм», среди которых были не только члены организации. Он был с ними как-то связан, фамилия их он мне не помнил.

Арнольдов Баганович связ после разоблачения предательских. Тогда Арнольдов сказал, что в НКПС замаскирован Кирова влет Лившиц, и предложил, чтобы все связи по границе передавались Лившицу.

В 1934 году в Москву приехал Мидван и сообщил мне с Пятаковым, что в Закавказье работа развертывается и что центр наметен в процесс нашей санкции. Мидван сообщил, что у них стоял вопрос о террористическом акте против Берия. Мы с Пятаковым дали указания выйти за подготовку террористического акта против Сталина, не приостанавливая подготовку террористического акта против Берия.

Вышинский: Не приостанавливая?

Серебряков: Не приостанавливая.

Вышинский: Следовательно, и правильно понимаю, что вместо одного покушения, которое предлагал Мидван, вы предложили два покушения?

Серебряков: Да. Когда в 1935 году и встретился опять с Пятаковым, возник вопрос о подготовке еще одного террористического акта, а именно против Ежова. Было дано задание Мидвану составить доклад о возможности объединения с левыми в Армении, с иуссавистами в Азербайджане и группировками империалистами в Грузии.

Вышинский: Что было реально сделано по исполнению этого решения?

Серебряков: Насчет докладов и иуссавистов в конце 1935 года Мидван мне сообщил, что он нацелился только связи, а с империалистами он заключил соглашение. Контакт с империалистами у него был установлен на той основе, что Грузия продолжает лететь прерывающимся движением на территорию Закавказья.

Вышинский: Грузия поднимает свое влияние Армению и Азербайджан?

Серебряков: Да. Она самостоятельное государство, иррающее в Закавказье ведущую роль.

Пятаков, допрашиваемый государственным обвинителем, подтверждает повествование Сокольника в части, касающейся связи с ним.

Позднейший Пятаков подтверждает, что давал указания Лившицу о троянской работе на транспорте.

Объявляется перерыв до 11 часов утра 25 января. (ТАСС.)

ИЗВЕЩЕНИЯ

27-го января, в 7 часов вечера, в клуб КОР (Борная впадина, под названием «Сибиряк М») выразился директор всех отделов, отдел и техникум в руководителем учреждения по вопросу «Результаты работы органов социалистической собственности».

Зам. пред. горсовета Гаврилов

Ответственный редактор
Н. А. ПОРЯНИН.